

Се Тин Юэ прекрасно понял слова Лу Ли.

Для многих торговцев время для заработка не делится на хорошее или плохое: если есть возможность заработать — её нужно хватать, иначе это противоречит их жизненным принципам. Однако для большинства простых людей и для властей всё обстояло совершенно иначе.

К примеру, во время этого наводнения Янь Хун занимался перепродажей и наживался на этом. Простые люди, разумеется, обрушились на него с критикой, считая, что это неправильно и так поступать нельзя. Ограничение ресурсов и взлетевшие цены разрушили их покой. Власти тоже считали это неправильным, но не могли полностью отрицать подобное явление.

Всякий раз, когда случается масштабное бедствие, власти реагируют быстро, немедленно вводя экстренные меры. Однако наладить переброску ресурсов из разных мест — дело не из лёгких. Не говоря уже о трудностях из-за плохих дорог и задержек в передаче вестей, порой попадаются безответственные чиновники — тогда люди могут глаза выплакать, а припасы так и не придут. Бывает, что чиновник всем сердцем радеет за народ, но его подчинённые работают посредственно, и эффективность падает. Чем больше ведомств должно сотрудничать, тем медленнее передаются приказы и сообщения.

Торговцы же совсем другие, особенно местные. Они первыми узнают о бедствии и тут же начинают строить планы, находят способы раздобыть ресурсы, а затем продают их по высоким ценам — стремясь к эффективности. Они знают, что эта возможность мимолётна, и приложат все усилия, чтобы изрядно заработать.

Итог очевиден: если ждать помощи от властей, скорость будет низкой, и к тому моменту, когда придёт помощь, часть людей может просто не выжить. Спекулянты действительно набивают карманы, но, как ни крути, простые люди, стиснув зубы и потратив деньги, всё же могут получить необходимые припасы.

Если силой пресечь спекуляцию торговцев, народ будет кричать от голода, и, возможно, ещё и заплатит цену множеством жизней, прежде чем дождётся помощи. Если же не пресекать — люди потеряют серебро, но хотя бы получат ресурсы для выживания.

Общее количество ресурсов ограничено, и жертвы неизбежны независимо от обстоятельств, но чем меньше будет жертв, тем лучше. В конце концов, деньги не так важны, как человеческие жизни.

Поэтому власти не одобряли спекуляции торговцев, но не могли издать закон, полностью перекрывающий этот путь. Торговцы ради наживы готовы лезть из кожи вон, и чем усерднее они стараются, тем больше ресурсов народ может получить в пострадавшем районе.

К тому же такое явление невозможно искоренить полностью.

Торговцев можно назвать самой сообразительной прослойкой общества. Они превосходно умеют использовать возможности и даже создавать их. Если на них сильно надавить, они всё равно найдут лазейку и вывернутся так, как и представить невозможно.

Династии сменяются, оставляя после себя исторические записи и опыт чиновников, занимавших свои посты.

В торговле есть свои законы: колебания рынка, спрос и предложение — это огромные проблемы, с которыми сталкивается всё человечество. Попытаться в одночасье вмешаться и изменить правила просто невозможно. Это не под силу отдельному человеку, не под силу и правительству. Максимум, что можно сделать, — это изучать закономерности изменений и давать нужное направление в подходящее время.

За долгое время сосуществования власти и торговцы достигли некоего негласного соглашения. Если ситуация заходит слишком далеко, власти вмешиваются, находят зачинщиков и сурово наказывают их. Но чаще всего это лишь денежные штрафы, а не лишение жизни — в законах такого не прописано. Причём крупные штрафы обычно накладываются уже после событий, чтобы напомнить торговцам о чувстве меры: некоторые вещи делать можно, но в определённых рамках, не доходя до безрассудства.

У чиновников на высоких постах есть своё понимание ситуации, а у торговцев — свои расчёты, и такое положение дел можно считать взаимовыгодным.

Но Янь Хун зашёл слишком далеко.

Се Тин Юэ стоило лишь немного поразмыслить, чтобы прийти к выводу:

— Влияние Янь Хуна слишком велико, а его уверенность в себе чрезмерна. Властям не под силу его подавить, но, с другой стороны, они не могут и лишиться его жизни, нанеся сокрушительный удар. Он ведёт себя вызывающе и становится всё более заносчивым. Если народ не добьётся справедливости, доверие к власти упадёт.

А значит, и репутация Лу Ли тогда тоже...

Лу Ли холодно хмыкнул:

— Если я его не приструню, то мне и чиновником быть незачем.

Решение уже было принято, вот только он пока не придумал безупречного и подходящего способа, что вызывало некоторую головную боль.

Чу Му скосил глаза на друга:

— А что насчёт принца Ли... ты спрашивал у него?

Во взгляде Лу Ли мелькнула искорка, и он осушил ещё одну чашку чая.

— Напрямую я не спрашивал, но, судя по его поведению, кажется, его совершенно не заботит личность Янь Хуна.

Се Тин Юэ и Чу Му переглянулись — в глубине их глаз читалось абсолютно одинаковое понимание и бессилие.

Принц Ли... Его статус слишком высок, спрашивать напрямую неудобно — это может походить на допрос. А если не спрашивать напрямую... и говорить намёками, как он сможет сотрудничать, если не поймёт?

Это поставило Лу Ли в затруднительное положение.

Но в одном Лу Ли был абсолютно прав: Янь Хуна необходимо приструнить!

Их взгляды встретились, демонстрируя поразительное единодушие, а немой диалог, читавшийся в глубине их глаз, представлял для Лу Ли целый непостижимый мир. Чу Му даже несколько раз украдкой сжал руку Се Тин Юэ. Тот поначалу не замечал, но потом покраснелся и принялся сердито сверкать глазами, тогда как Чу Му лишь глупо улыбался.

Лу Ли почувствовал, что ещё немного, и он просто ослепнет от этой картины:

— Эй-эй, если хотите миловаться, идите в комнату и закройте дверь. Не делайте вид, будто меня не существует, это очень ранит!

Се Тин Юэ тут же вспыхнул и отдернул руку, которую держал Чу Му:

— Я просто... подумал об одном возможном направлении.

Глаза Лу Ли мгновенно заблестели:

— Я так и знал, что обратиться к тебе было правильным решением! Ну же, рассказывай скорее...

— Идея ещё сырая, дай мне подумать...

Мысли Се Тин Юэ закрутились с огромной скоростью. Он думал и ел одновременно, и лишь когда трапеза была окончена, а чай в чашках стал тёплым, у него сложился общий план:

— Можно сделать так...

Не успел он договорить, как снаружи вбежал человек с донесением:

— Беда! Кто-то бьёт в барабан, взывая о справедливости! Хотят подать жалобу на главу рода Сяо и его супругу!

Разумеется, обсуждение плана пришлось отложить.

Се Тин Юэ нахмурился:

— Кто хочет подать жалобу?

— Это Сяо Вэнь Шу и госпожа Жоу!

В последнее время они получили много заботы от семьи Сяо и не могли остаться в стороне. Чу Му сказал:

— Пойдём, посмотрим.

Лу Ли тоже поднялся:

— Я тоже пойду, посмотрю на это зрелище.

.....

Уезд Цин был не слишком велик, и род Сяо считался в нём одним из самых значимых. Когда Се Тин Юэ и Чу Му подошли к зданию уездной управы, они не увидели самих супругов Сяо, зато наткнулись на плотную толпу зевак.

Похоже, давление по этому делу было немалым.

Они переглянулись и, позволив Цинь Пину расчищать путь, пробились в самый первый ряд.

Лу Ли, будучи высокопоставленным чиновником, не мог вмешиваться по своему желанию, поэтому не стал раскрывать свою личность и просто последовал за ними. Однако если уездный судья окажется предвзятым...

Они подошли как раз вовремя: в зале суда шёл допрос сторон.

Сяо Вэнь Шу сидел на носилках, его правая нога была в лубках и замотана толстым слоем повязок, сквозь которые проступали пятна крови. Было очевидно, что он ранен, причём довольно серьёзно — скорее всего, у него была сломана нога.

Его душевное состояние тоже оставляло желать лучшего: тёмные круги под глазами, бледное лицо, в глазах лопнувшие сосуды. Его слова звучали так, будто он был убит горем:

— ...Сяо Юнь Фэн, используя своё положение, сводит личные счёты! Под предлогом заботы о членах рода он на деле занимается гонениями, захватил имущество моей семьи и лишил меня средств к существованию. Он не достоин звания главы рода! Он завидует тому, что я учусь лучше него и в будущем наверняка стану более успешным, поэтому решил растоптать меня насмерть, пока я не вошёл в силу, чтобы в будущем его семья владела всем единолично! В первый раз он не смог меня сгубить, во второй его козни не удались, и тогда он подстроил всё так, что я упал и сломал ногу! Теперь у меня нет денег на лечение и не на что купить миску риса! Я ведь учёный человек, господин судья! Как же мне в таком убогом виде участвовать в государственных экзаменах? Как в будущем получить должность? Похоже, вся моя жизнь будет разрушена прямо здесь!

Его речь была крайне эмоциональной и легко могла вызвать сочувствие у тех, кто не знал истинного положения дел.

Се Тин Юэ нахмурился. Если ответить на это неудачно, можно легко вызвать неприязнь. Но характер Сяо Юнь Фэна...

Он посмотрел на Сяо Юнь Фэна, всё больше беспокоясь.

Как и следовало ожидать, Сяо Юнь Фэн не изменил своей прямолинейности и тут же холодно усмехнулся:

— Завидовать и ненавидеть до такой степени, чтобы решиться искалечить? Да ты посмотри на себя!

Настроение толпы мгновенно изменилось, многие начали неодобрительно шушукаться.

Хан Цин Си лучше всех знала нрав своего мужа, поэтому остановила его, вышла вперёд и спросила Сяо Вэнь Шу:

— Где серебро, что мы тебе дали?

Госпожа Жоу, стоявшая рядом, вскрикнула, предостерегая:

— Двоюродный брат!

Но Сяо Вэнь Шу уже успел ответить:

— Во время наводнения потерял...

Хан Цин Си холодно усмехнулась:

— Тогда тебе следует жаловаться не на нас, а на Небеса, которые послали это наводнение!

Лицо Сяо Вэнь Шу стало мертвенно-бледным — он понял, что сболтнул лишнего.

Хан Цин Си продолжила:

— Мы живём все вместе, разве кто-то кого-то не знает? Сяо Вэнь Шу, я знаю, что ты очень гордый и иногда бываешь упрям, но на самом деле ты хороший парень. Если у тебя возникли трудности, почему ты не сказал об этом? Завет предков семьи Сяо гласит: не оставлять в беде ни одного сородича. Как же мы могли не помочь тебе в твоём деле? Предки на небесах всё видят! Кто же тебя надоумил, что в твоей голове родились эти грязные мысли?

Госпожа Жоу поспешила вставить слово первой:

— Госпожа, что вы хотите сказать? Ваше недостойное поведение — не ошибка, а если кто-то подаёт жалобу — так это сразу грязные мысли? Где это видано, чтобы в мире царили такие порядки!

— Хм, — Хан Цин Си холодно усмехнулась. — Раз так, давайте рассудим, на чьей стороне правда. Господин судья здесь, и при разборе дела слушают не только одну сторону. Вам не следует переворачивать всё с ног на голову, умалчивая о большей части фактов. Давайте разберём всё по пунктам. Сяо Вэнь Шу, ты говоришь, что мы с мужем присвоили имущество твоей семьи. Есть ли у тебя доказательства?

Госпожа Жоу ответила:

— Когда тётушки не стало, в семье было десять му* хорошей земли, а потом...

*П.п. Му — китайская мера площади, приблизительно 0.067 га.

— В роду Сяо есть правило: вдове с ребёнком жить нелегко, поэтому сородичи могут решить выделить общественное имущество во временное пользование, а после совершеннолетия ребёнка вернуть его обратно. Есть договор, написанный чёрной тушью по белой бумаге, на котором твоя мать лично поставила отпечаток пальца. Что, теперь, когда твоей матери не стало, ты, вместо того чтобы повзрослеть, напротив, научился кусать руку дающего? — эти слова Хан Цин Си адресовала напрямую Сяо Вэнь Шу.

Тот крепко сжал губы:

— Но вы же забрали мои яйца шелкопряда!

Хан Цин Си рассмеялась от злости:

— Разве не ты сам продал их нам? Расчёт серебром за товар был произведён на месте, ты считаешь всех вокруг слепцами? Шли сильные дожди, мой муж, послушав совета старейшин, хотел перевезти яйца шелкопряда на случай беды. Весь род к совету прислушался, один ты не захотел, заявив, будто мы покушаемся на твоё имущество. Ладно. Чтобы пойти тебе навстречу, второй молодой господин Се подсказал решение, мы договорились о разумной цене и совершили сделку — только тогда дело было улажено. Почему мы должны возвращать то, что купили на свои честно заработанные деньги? Только потому, что ты по неосторожности потерял деньги? Что же, правда у всех — не правда, и только твоя правда в счёт идёт?

Лицо Сяо Вэнь Шу залилось краской:

— Но вы... вы пренебрегли человеческой жизнью! Сказали, что не бросаете сородичей, так почему... почему не спасли меня во время подъёма на гору?

Хан Цин Си прищурилась:

— Я не понимаю, о чём ты. Мы не спасли тебя?

Госпожа Жоу утёрла слёзы и, всхлипывая, заговорила:

— В тот день лил проливной дождь, путь был труден, вы заботились обо всех, кроме моего брата. Мы с ним перенесли столько страданий, рисковали жизнями, чтобы поддержать друг друга... И когда дорога почти закончилась, вы притворно спасли его один раз, но из-за вашей небрежности брат подвернул ногу. При спуске с горы было то же самое: вы всё организовали для всех, только о нём не позаботились, оставили его идти в одиночку, из-за чего он упал и сломал ногу... Вы не убивали его своими руками, но все ваши поступки я, человек со стороны, видела отчётливо. Если бы вы не относились к нему так пренебрежительно, разве он был бы в таком плачевном состоянии? Если бы не подвёрнутая по вашей вине нога, разве он сломал бы её потом! Теперь у него нет денег даже на лекаря и лекарства, и если нога не заживёт как следует, то о государственных экзаменах можно и не мечтать...

— Вы погубили моего брата, но мы с ним даже не помышляем о том, чтобы убить вас или отомстить. Мы лишь ищем справедливости и хотим, чтобы вы выплатили полагающуюся нам компенсацию, только и всего! Неужели даже это невозможно, и вам обязательно нужно довести нас с братом до смерти?!

Слова хрупкой девушки, полные слёз и жалоб, вызывали сострадание. Молодой человек на

носилках, не способный встать, с окровавленной ногой, тоже выглядел крайне жалко. Независимо от того, что говорила эта парочка и была ли в их словах правда, толпа уже прониклась к ним симпатией.

Се Тин Юэ был ошеломлён. Это... это... до чего же это бесстыдно!

Все эти дни он был рядом и прекрасно знал, что произошло на самом деле. Да они совсем обнаглели! Путать факты, выворачивать всё наизнанку, да ещё и выставять себя невинными жертвами — какое мастерство!

Чу Му вовремя взял его за руку:

— Госпожа, не сердитесь.

Се Тин Юэ глубоко вдохнул:

— М-м.

Если он так разозлился, то главное заинтересованное лицо, должно быть, и вовсе было вне себя...

И действительно, когда он взглянул на Сяо Юнь Фэна, лицо того уже потемнело от ярости.

Однако Хан Цин Си по-прежнему сохраняла невозмутимость.

На ней был наряд огненно-красного цвета, её брови были смело вздёрнуты, ясные глаза горели, как огонь, а из уст вырвалось презрительное фырканье.

После всего сказанного как она могла не понять?

— Оказывается, сам по неосторожности потерял деньги, сам сломал ногу, у тебя закончилась еда, но при этом твоя нелепая гордость не позволяет попросить помощи. Зато вымогать и обманывать у тебя ловко получается, — она сделала паузу и многозначительно улыбнулась. — Раз уж ты обвиняешь людей, так предоставь доказательства. Как именно мы с мужем тебе навредили? Откуда взялись эти разговоры о зависти и ненависти? Кто в академии учится лучше — не нужно ли нам пригласить учителя и расспросить его?

Лицо Сяо Вэнь Шу то краснело, то бледнело. Стиснув зубы, он выплеснул наружу весь свой гнев:

— Ты так красиво говоришь, но если вы и впрямь не бросаете сородичей, то почему до сих пор

не знали, что я сломал ногу? Сяо Юнь Фэн просто завидует мне, но не смеет действовать открыто, поэтому ищет способы известить меня. Я, Сяо Вэнь Шу, ни за что не позволю вам меня изводить!

Глаза госпожи Жоу затуманились от слёз:

— Мы с братом друг для друга — единственная опора в этой жизни. Если в будущем у нас не будет средств к существованию — мы умрём вместе, но не станем влачить жалкое трусливое существование! Если вы сегодня признаете нашу правоту — мы с братом и считать не станем, сколько нам причитается, пусть судья решает. Но если не признаете — я разобью голову прямо в этом зале суда, и пусть люди увидят, какие вы лицемеры и бесстыдники!

Неизвестно, откуда взялся Се Тин Жи, но в этот миг он внезапно появился в зале суда и начал вполголоса уговаривать госпожу Жоу:

— Не надо так. Что бы ни случилось, забота о себе — самое важное. Хотите, я дам вам денег, чтобы вы могли позаботиться о себе?

Госпожа Жоу ответила с непреклонной твёрдостью:

— Я благодарна вам за доброту, молодой господин, но с какой стати мне брать ваши деньги? В этом мире нет ничего превыше справедливости. Мне не нужны ваши деньги. Мы с братом хотим лишь того, что причитается нам по праву!

Эти слова прозвучали мощно и убедительно — и в них явственно слышалась скрытая угроза.

Эти двое словно имели на лбу надпись: «Кто слабее, тот и прав». Либо вы признаёте вину и платите, либо мы вместе покончим с собой. Это вопрос жизни и смерти, решайте сами!

Уездный судья сидел под табличкой «Светлое зеркало висит высоко» и от головной боли готов был кого-нибудь укусить.

П.п. «Светлое зеркало висит высоко» — справедливость и правосудие; беспристрастный и справедливый судья.

Откуда взялась эта мегера? Язык у неё хорошо подвешен, лицо красивое, а внутри — сплошной расчёт. И шлюхой быть хочет, и арку целомудрия ей подавай!

*П.п. Арка целомудрия — в императорском Китае почётный монумент, который ставили вдовам, до смерти хранившим верность мужу. В целом это — грубое образное выражение о человеке, который совершает дурные поступки, но хочет сохранить репутацию святого.

Однако думать так — это одно, а вслух такое говорить нельзя. В чиновничьих кругах первым делом учишься говорить красиво.

Судья всё прекрасно понимал. Редко кто из чиновников сразу поддаётся чарам красоты, особенно если эта красота не сулит им выгоды. Если дело будет решено неверно — жди больших неприятностей. Что тогда станет с его репутацией?

Пока он колебался, его взгляд зацепился за одну фигуру. Глаза уездного судьи мгновенно заблестели: Господин Лу!

Господин Лу, спасите!

Высокопоставленный чиновник из столицы, прибывший в такое захолустье, обладает всей полнотой власти. Стоит лишь пригласить господина Лу, и неважно, как будет решено дело, судья просто поддержит его решение. Он может даже изобразить злого судью и в любом случае не останется внакладе!

Однако Лу Ли едва заметно качнул головой, давая ему знак молчать и продолжать наблюдать.

Судья цокнул: ну что ж, ладно.

В конце концов, здесь есть вышестоящий начальник — он и отвечать будет. А если дело зайдёт в тупик, судья всегда сможет выйти и попросить его вмешаться.

— Некоторые люди выглядят хрупкими и жалкими, но на самом деле полны коварства.

Сяо Юнь Фэн был человеком честным и не любил интриг. Хан Цин Си могла бы справиться, но хоть она и была женщиной, в ней было больше отваги и прямоты, чем хрупкой нежности. В сегодняшней ситуации любой исход выглядел бы некрасиво. Се Тин Юэ почувствовал, как у него защемило сердце, и, недолго думая, шагнул вперёд сам.

— Перед лицом судьи я позволю себе дерзость, — он первым делом поклонился судье. — Дело в том, что в эти дни я постоянно находился рядом и хочу выступить свидетелем.

Судья был человеком проницательным и давно заметил, что этот юноша близок с Лу Ли. Разве стал бы он сердиться на «дерзость»? Да и дерзости-то никакой не было. Сейчас он страстно желал, чтобы кто-нибудь пришёл на помощь!

— Молодой господин, можете говорить прямо, не стесняйтесь. Для суда важны факты и доказательства, я не стану выносить решение опрометчиво!

Се Тин Юэ кивнул и только тогда посмотрел на госпожу Жоу:

— Вы с женихом прошли через беды и лишения, не бросили друг друга и проявили такую преданность. Неужели ты считаешь себя такой замечательной, что все вокруг должны тебя уважать?

Госпожа Жоу на миг опешила, её лицо слегка покраснело:

— Это то... что я, как женщина, обязана была сделать.

— Ха-ха.

Се Тин Юэ рассмеялся:

— Не берусь судить, как вы жили раньше и насколько глубоки были ваши чувства — мне ничего об этом не известно. Но я знаю, что в тот день, когда разразился ливень и дорога стала смертельно опасной, ты и твой брат не раз оказывались в опасности. Перед лицом смерти он бросал тебя, а ты предавала его. И вот теперь вы объединились, словно верные возлюбленные, чтобы вымогать деньги. Что, так приятно себя обманывать?

Госпожа Жоу пришла в ярость, и её лицо мгновенно стало багровым:

— О чём ты говоришь!

Се Тин Юэ повернулся к Сяо Вэнь Шу:

— А тебя я спрошу ещё раз: ты действительно продал свои яйца шелкопряда Сяо Юнь Фэну за чистое серебро?

Сяо Вэнь Шу ответил:

— Да, но если бы глава рода Сяо не наседал на меня так безжалостно, я бы ни за что их не продал!

— Не продал бы и не послушался бы, отказавшись перевозить, верно? — вопрос Се Тин Юэ бил прямо в цель. — Я ведь видел, как вы ссорились в тот день.

Сяо Вэнь Шу плотно сжал губы и промолчал.

Он уже понял, что собирается сказать Се Тин Юэ.

— Ты продал их и получил деньги. А если бы ты не продал и не перевёз, ответ был бы уже очевиден: все яйца шелкопряда погибли бы, не осталось бы ни одного. Деньги тебе отдали, но

ты сам не смог их сберечь, а теперь пришёл обвинять других в том, что они заставили тебя продать. Видно, прощать себя очень легко, а вина всегда лежит на других.

Эти слова сорвали с него всю личину, и Сяо Вэнь Шу от стыда не нашёлся что ответить.

Се Тин Юэ продолжил:

— В тот день горная дорога была трудна, глава рода ни на миг не останавливался, шёл впереди всех и прокладывал путь, из последних сил защищал и поддерживал. Но двум кулакам не устоять против четырёх рук, а человеческим силам — против удара стихии. Не ты один пострадал. Одного из раненых глава рода лично нёс на спине в гору. Из рода двадцать человек были ранены, восемь — погибли, и никто из них не жаловался. С какой стати ты выставляешь себя напоказ и с таким удовольствием всех поливаешь грязью только из-за того, что сломал ногу?

— И насчёт спуска с горы: глава рода распределил всех по группам, каждый шёл в своей группе, никто не оставался один. Почему же ты не пошёл со своей? Другие намеренно оттеснили тебя или же ты сам вовсе не считал себя частью рода Сяо?

Один из местных парней, стоявший в толпе зевак, поднял руку, выступая свидетелем:

— Мы не оттеснили его! Он был в нашей группе, но когда пришло время и мы пошли звать его, он наотрез отказался идти, твердя, что договорился с другими. Наша группа не могла ждать одного человека, и мы ушли первыми. Кто же знал, что он...

Се Тин Юэ:

— Кто же знал, что он по неосторожности оступится и сломает ногу. Прямо-таки смешно: сам по неосторожности сломал ногу, а виноват — глава рода. Если ты дома за едой подавишься рисом и умрёшь, это будет вина того, кто посадил рис? Во всём нужно искать первопричину, но не таким же способом. Ты человек учёный, а говоришь такое, что я просто поражаюсь.

— Что ты понимаешь! Что вы все понимаете? Легко рассуждать со стороны, когда тебя это не касается, а мой брат страдает!

Госпожа Жоу снова разрыдалась:

— Он с детства рос без отца, и в доме осталась лишь мать-вдова. Все смотрели на него свысока и лишь только когда я приходила к нему, на его лице появлялась улыбка. В доме царил бедность, еда и одежда были хуже, чем у других. Я с малых лет училась вышивать, чтобы у брата были красивые кошельки и приличная одежда, в которой не стыдно показаться людям. Знаешь ли ты, как тяжело учиться десять с лишним лет день за днём? У него вечно не было сил, и я постоянно искала особые рецепты, чтобы готовить лекарственные отвары... Нам

жилось так тяжело, но мы никогда не ждали помощи от других. Мы только хотели своими руками заработать то, что нам причитается. Мы поддерживали друг друга в горе и радости, просто желая жить достойно. Разве мы виноваты? В конце концов, в чём же наша вина?!

Се Тин Юэ:

— Значит, госпожа Жоу всё ещё хочет, чтобы мы восхваляли ваше величие и самопожертвование?

Госпожа Жоу осеклась.

— Прошу прощения за прямоту, но ваши «искренние чувства» вовсе таковыми не являются. Это лишь разыгранное вами величие, в которое вы сами поверили, — сказал Се Тин Юэ, прищурился. — Стоит ли ради этих фальшивых чувств, которыми вы сами себя обманываете, становиться оружием в чужих руках?

Госпожа Жоу тут же забегала глазами:

— О чём вы говорите... я вас не понимаю...

Но этой реакции было достаточно — их и впрямь кто-то надоумил!

Се Тин Юэ и раньше чувствовал неладное. Сяо Вэнь Шу действительно не ладил с Сяо Юнь Фэном, потеря денег и сломанная нога — тоже очевидные факты. И в желании обманом вытянуть деньги у Сяо Юнь Фэна, оказавшись в безвыходном положении — тоже не было ничего особенного. Но не таким же способом — в открытую заявляясь в суд.

У этих двоих не было никаких веских доказательств, они просто разыгрывали из себя несчастных и слабых. Но какой в этом прок?

Сяо Юнь Фэна этим не погубить, но можно связать его по рукам и ногам.

Зачем мешать Сяо Юнь Фэну? Для этого нужно посмотреть, чем он был занят в последнее время...

Се Тин Юэ проследил за взглядом госпожи Жоу и заметил в толпе знакомую фигуру. Присмотревшись повнимательнее, он узнал его.

Это был слуга Янь Хуна!

Тогда не нужно и гадать, кто за всем этим стоит.

Значит, метили в него!

Что ж, он ещё и на порог не ступил, а Янь Хун уже сам явился. Судя по всему, он случайно наткнулся на оказавшегося в безвыходном положении Сяо Вэнь Шу, разузнал все подробности и после некоторых уговоров пообещал всяческие блага, чтобы эти двое явились в суд допрашивать людей.

Времени прошло мало, а Сяо Юнь Фэн и Хан Цин Си — люди расчётливые. Однако все их домашние дела уже успели разузнать. Янь Хун мог и не знать, какую сделку Се Тин Юэ заключил с этой четой, но он определённо знал об их хороших отношениях. А значит, рискни он действовать напрямую, супруги Сяо наверняка придут на помощь.

Каким бы способным и искусным в интригах ни был Янь Хун, Сяо Юнь Фэн в этих краях был местным заправилкой. И чтобы наверняка добиться своего, разумнее было не соваться напрямую.

<http://bllate.org/book/13821/1423138>